
Эспрессо
для
мертвеца

madamada madamada

Эспрессо для мертвеца

«Автор»
2026

madamada m.

Эспрессо для мертвеца / m. madamada — «Автор», 2026

Город не прощает слабости, но иногда он предлагает укрытие.Спасаясь от неестественного ночного ливня, студентка Алиса забредает в глухой тупик и находит заведение, которого не было ни на одной карте - кофейню «Перекрёсток». Безупречный бариста, странный кофе со вкусом перца и черная визитка с номером без кода города: «Если появится неразрешимая проблема - добро пожаловать».Алиса сочла это эксцентричной шуткой. Ровно до тех пор, пока не перешагнула порог собственного дома, обнаружив, что ее прежняя жизнь буквально залита чужой кровью.Полиция объявит ее безумной или преступницей. Ночной город уже спустил с поводка своих нечеловеческих гончих. Единственный шанс выжить - набрать семь цифр с черной карточки и заключить сделку с тем, кто называет себя судьей.Но у каждой случайности есть архитектор. А за спасение всегда приходится платить собственной плотью.

© madamada m., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 - Эспрессо на перекрестке 5
Глава 2 - Анатомия страха 11
Г 17
Конец ознакомительного фрагмента. 18

madamada madamada
Эспрессо для мертвеца

Глава 1 - Эспрессо на перекрестке

Город умирал каждый день ровно в семь вечера, захлебываясь собственным выхлопом и воем клаксонов, но к восьми воскресал снова — грязный, неоновый, голодный.

Алиса шла по Седьмой авеню, опустив подбородок в воротник поношенного шерстяного пальто. Ветер с залива резал открытые участки кожи с методичной жестокостью мясника, выдувая из головы последние обрывки университетских лекций. Четыре пары по гражданскому праву, два часа в душном читальном зале и смена в архиве на цокольном этаже, где воздух пах мышиным пометом и вековой пылью. На транспортной карте оставалось ровно на одну поездку в метро, но Алиса предпочла пойти пешком. Подземка сегодня казалась братской могилой для живых — слишком много потных плеч, слишком много пустых глаз, уставленных в разбитые экраны дешевых смартфонов. Ей нужно было продышаться. Пусть даже этим воздухом, отдающим гарью и протухшей набережной.

В кармане завибрировал телефон. Алиса даже не стала доставать его. Она знала этот ритм: три коротких звонка, сброс, затем длинное текстовое сообщение. Либо банк с напоминанием о просроченном минимальном платеже за лечение матери, либо отчим. Ни то, ни другое не стоило того, чтобы морозить пальцы.

Она свернула в сторону жилых кварталов старого фонда. Здесь дома стояли плотнее, нависая над узкими тротуарами чугунными челюстями пожарных лестниц. Небо, еще полчаса назад бывшее просто свинцово-серым, вдруг налилось неестественной, маслянистой чернотой.

Воздух резко изменился. Он потерял привычную городскую вонь, став пугающе стерильным, ледяным и густым. Запахло железом. Так пахнет в цехе по резке рельсов или на свежем пепелище: острый, режущий носоглотку привкус озона.

Алиса подняла голову.

Фонари на противоположной стороне улицы моргнули синхронно, словно кто-то дернул общий рубильник, и с легким треском сбавили накал до тускло-рыжего свечения. А потом небо рухнуло.

Это не было обычным дождем. Стена воды обрушилась на город вертикальным ударом, выбивая дробь из жестяных карнизов и крыш припаркованных машин. В первую же секунду пальто промокло насквозь, потяжелев килограммов на пять. Ледяные струи залили глаза, тушь потекла по щекам, забиваясь в уголки рта горьким химическим осадком. Дышать стало нечем — влага стояла в воздухе плотной водяной пылью.

— Твою мать... — выдохнула Алиса, сгибаясь пополам от хлесткого порыва ветра.

Укрытия не было. Парадные старых доходных домов были наглухо заперты на кодовые замки, магазины на этой линии давно закрылись, зияя темными витринами с решетками изнутри. Вода под ногами уже поднялась до щиколоток, смывая с тротуаров окурки и обрывки газет в черные бурлящие водовороты ливневок.

Она побежала вперед вслепую, прикрывая сумку с чужими конспектами локтем, и почти наугад свернула в прорезь между двумя глухими брандмауэрами. Узкий, косой переулок, в который она никогда раньше не заглядывала. Разум шептал, что заходить в такие щели в темное время суток — лучший способ закончить жизнь в полицейской сводке неопознанных трупов, но холод уже пробирался под ребра, заставляя челюсти мелко и унизительно стучать.

Переулок должен был упереться в тупик — в кирпичную стену старого депо. Алиса знала этот район, по крайней мере, ей так казалось.

Но впереди, метрах в двадцати сквозь сплошную пелену ливня, дрожал теплый янтарный свет.

Алиса замерла, смаргивая воду с ресниц.

Свет падал из двух высоких арочных окон с частым деревянным переплетом. Над тяжелой, обитой клепаной медью дубовой дверью раскачивалась на цепях кованая вывеска. Металл поскрипывал в такт ветру, но свет над ним горел ровно, без мерцания, выхватывая из темноты рельефные, глубоко вырезанные буквы:

«П Е Р Е К Р Ё С Т О К»

И ниже, мелким золотым тиснением по темному дереву: «Кофе. Суждения. Тишина.»

Странная рябь пробежала по воде у ее ног, будто волны расходились не от капель дождя, а от самого порога этого странного заведения. Алиса не слышала о кофейнях в этой промзоне. Здесь не выжил бы ни один бизнес, кроме подпольного авторазбора или сбыта краденого.

Но из приоткрытой щели под козырьком тянуло сухим теплом, жареным фундуком и терпкой, почти пьянящей горечью настоящего зерна.

Холод победил остатки осторожности. Алиса толкнула мокрой ладонью медную ручку в виде свернувшейся змеи. Дверь поддалась с неожиданной, маслянистой легкостью, впуская ее внутрь.

Дверь захлопнулась с глухим, почти герметичным щелчком, и мир за ее пределами мгновенно перестал существовать.

Грохот ливня, вой ветра, визг автомобильных тормозов на далеком проспекте — всё оборвалось разом, словно Алисе надели на голову тяжелый звуконепроницаемый колпак. Остался только сухой, теплый воздух и тихое, мерное тиканье где-то под высоким сводчатым потолком.

Алиса замерла на пороге, не решаясь сделать шаг. С подола ее пальто на темный наборный паркет уже натекла внушительная грязная лужа. Вода с волос капала за шиворот, заставляя мышцы спины судорожно сокращаться.

Заведение было вытянутым вглубь, как железнодорожный вагон старой эпохи. Темные дубовые панели по стенам, тусклые латунные бра в виде сжатых кулаков, держащих стеклянные матовые плафоны, и бесконечные ряды полок до самого потолка. На полках стояли не сиропы. В ровных стеклянных банках с притертыми пробками хранились сушеные коренья, зерна разной степени обжарки, потемневшие от времени блокноты с кожаными закладками и странные, не поддающиеся классификации мелочи: старинные карманные часы без стрелок, винтовочные гильзы, связки позеленевших ключей.

За массивной барной стойкой из полированного камня стоял человек.

Он не дернулся от звука вошедшего посетителя. Не поднял головы с фальшивым «добрый вечер». Он методично, с хирургической сосредоточенностью протирал белоснежной льняной салфеткой тяжелый хрустальный бокал.

Мужчине можно было дать как тридцать, так и глубоко за сорок — из тех лиц без возраста, на которых усталость и безупречный уход ведут непрекращающуюся войну. На нем была угольно-черная рубашка с жестким воротником, застегнутым под самое горло, поверх — плотный жилет винного оттенка с серебряной цепочкой от часов в жилетном кармане. Никакого дешевого фартука. Длинные, неестественно бледные пальцы двигались плавно, без единой заминки.

— Извините... — голос Алисы прозвучал хрипло, она сама поморщилась от того, как жалко это выглядело. — Там просто... стена воды. Я наследила. Я могу переждать? Буквально пять минут.

Бариста наконец поднял глаза.

У него был взгляд патологоанатома, впервые увидевшего на столе что-то действительно занимательное. Глаза цвета разбавленного абсента — мутно-зеленые, цепкие, абсолютно лишенные обычной человеческой теплоты или раздражения. Этот взгляд скользнул по ее мок-

рому лицу, задержался на сбитых костяшках пальцев, которыми она сжимала сумку, отметил дешевизну пуговиц на ее пальто и вернулся к глазам.

— Вода высыхает. Пыль оседает. Не извиняйтесь за законы физики, — его голос оказался низким, глубоким и странно вибрирующим, словно натянутая виолончельная струна. — Снимайте пальто. Там, слева, медный крючок. И проходите к стойке. Сквозняки здесь не любят.

Алиса помедлила секунду, подчиняясь странной гипнотической властности в его интонации. Она стянула отяжелевшее пальто — крючок принял его с глухим металлическим звоном. Оставшись в тонком свитере, она почувствовала себя еще более голой и незащищенной.

Она подошла к стойке и села на высокий табурет с потертой кожаной обивкой. Кожа под бедрами была прохладной, но сухой.

— У вас есть меню? — спросила она, чтобы заполнить давящую тишину. Пальцы мелко дрожали от остаточного озноба, и она спрятала их под столешницу.

— Меню — это иллюзия выбора для тех, кто не знает, чего хочет, — мужчина отставил бокал и оперся ладонями о камень стойки, чуть подавшись вперед. Алиса уловила исходящий от него запах: горький табак, сухая древесина и что-то аптечное, острое. — Вам холодно. Вы напуганы. И у вас в голове крутится мысль, как закрыть дыру, о которой вы никому не говорите. Я угадал?

Алиса внутренне подобралась, челюсти непроизвольно сжались.

— Вы за всеми клиентами так шпионите? Или это бесплатный аттракцион к чашке за 8 долларов?

Уголок его тонких губ дрогнул в подобии усмешки. Циничной, но едва заметно одобрительной.

— Злость — это хорошо. Злость греет лучше дешевого бренди. Но нет, это не аттракцион. Я просто люблю наблюдать за тем, как люди ломаются под собственным весом.

Он развернулся к огромной медной кофемашине — монструозному механизму с блестящими трубками, манометрами и рычагами, напоминавшему викторианский паровой двигатель. Его движения стали быстрыми и точными. Металлический холдер с глухим щелчком встал на место. Раздался резкий шипящий вздох пара, стрелка на циферблате дернулась в красную зону.

— Черный. Без сахара. С парой капель экстракта дикого можжевельника и перца чили, — произнес он, не оборачиваясь. — За счет заведения. Считайте это компенсацией за мою бестактность.

— Я могу заплатить, — упрямо бросила Алиса, хотя в глубине души с ужасом думала о том, что мелочи в кармане не хватит даже на бумажный стаканчик.

— Деньги — самая скучная вещь, которую человек способен положить на эту стойку, — бариста повернулся, держа в руках крошечную чашку из темного матового фаянса. На густой кремовой пенке эспрессо темнела щепотка мелких бордовых крупинок. — Деньги не имеют вкуса. Мне интереснее истории. Запутанные узлы. Проблемы, которые кажутся неразрешимыми.

Он поставил чашку прямо перед ней. Пар поднимался тонкой спиралью, ударяя в нос мощной смесью жженого сахара, дыма и острой пряности.

— Пейте, Алиса. Пока горячий.

Она уже потянулась к ручке чашки, но замерла. Холодная игла страха кольнула под лопатку.

— Я не говорила своего имени.

Бариста не отвел взгляда. В его зрачках тускло отражался свет латунных ламп.

— На бирке вашего читательского билета, который наполовину торчит из кармана мокрого свитера, написано достаточно четко, — спокойно ответил он. — Наблюдательность, ничего сверхъестественного. Пейте.

Алиса шумно выдохнула, чувствуя себя глупо. Она взяла чашку. Напиток обжег губы, но тепло тут же разлилось по пищеводу, ударив в кровь жаром перца и глубокой, густой кофейной горечью. Дрожь в руках прекратилась почти мгновенно, будто кто-то повернул тумблер внутри ее нервной системы. Мысли, хаотично метавшиеся последние три часа, выстроились в ровную, звенящую линию.

— Чем вы здесь занимаетесь? — спросила она тише, глядя на темную жидкость на дне чашки. — Кроме кофе.

— Я распутываю узлы, — просто сказал он, доставая из-под стойки узкую деревянную коробочку. — Люди приходят ко мне, когда полиция разводит руками, закон оказывается слишком слепым, а их собственная жизнь начинает трещать по швам. Я берусь за то, что другие называют «невозможным» или «случайным». Но у каждой случайности есть архитектор.

Он открыл коробочку и достал прямоугольник из тяжелого черного картона с бархатистой текстурой. На нем не было ни имени, ни адреса — только продавленный в бумаге серебряный контур: перевернутые песочные часы, внутри которых вместо песка застыла капля. И под ним — семизначный телефонный номер.

Без кода города.

Он положил карточку рядом с пустой чашкой Алисы.

— Дождь закончился, — заметил он, скользнув взглядом к темным витражным окнам.

Алиса повернула голову. Действительно: стекло было сухим. Ни звука, ни капель, бьющих по карнизу. Словно буря просто выключилась по щелчку пальцев.

— Сколько я...

— Карточка — это долг, — мягко перебил он. — Заберете ее — значит, заключите со мной негласный договор. Если однажды этот город прижмет вас к стене так, что не останется воздуха... наберите этот номер. Расскажете мне свою историю. Это будет лучшей платой.

Алиса колебалась всего пару секунд. Внутренний голос — тот самый, который советовал не сворачивать в незнакомый переулок — кричал бросить картонку и бежать. Но пальцы сами потянулись к шершавой черной бумаге. Она сунула визитку в задний карман джинсов.

— Спасибо за кофе. Надеюсь, звонить не придется.

— Я тоже, Алиса, — его губы снова изогнулись в холодной, математически выверенной улыбке. — Я тоже очень на это надеюсь. Дверь закрывается сама.

Пальто на плечах казалось чужим — тяжелым, но внутри него разливалось ровное, почти неестественное тепло, словно напиток бариста не просто согрел кровь, а вживил под кожу миниатюрный обогреватель.

Алиса толкнула медную змеиную ручку и шагнула в ночь.

Дверь за ее спиной захлопнулась неслышно. На улице стояла плотная, ватная тишина, какая бывает в городе только в первые минуты после сокрушительного шторма. Дождь действительно прекратился. Асфальт блестел, как свежая черная смола, отражая неоновые росчерки далеких рекламных щитов на крышах. От решеток ливневой канализации густыми клубами поднимался белесый пар, пахнущий машинным маслом и сыростью.

Она сделала десяток шагов по мокрому переулку, нащупывая в кармане ключи от квартиры. В голове звенела странная, холодная ясность. Усталость, давившая на виски последние восемь часов, отступила, оставив после себя обостренное, почти животное восприятие: шелест шин за три квартала отсюда, редкие капли, срывающиеся с пожарных лестниц, шорох полиэтиленового пакета, гонимого сквозняком.

У самого выхода на освещенную улицу Алиса остановилась.

Смутное, липкое чувство неправильности заставило ее оглянуться через плечо. Она просто хотела еще раз взглянуть на теплую янтарную вывеску с вырезанным словом «Перекрёсток». Чтобы убедиться, что это место настоящее. Что этот странный человек с глазами цвета полыни и его викторианская кофемашина ей не пригрезились от переутомления и голода.

Она повернулась.

В глубине глухого простенка между двумя складами было темно.

Не было ни кованых цепей, ни янтарного света из арочных окон. Не было тяжелой дубовой двери с медной ручкой. На их месте стояла сплошная, слепая стена из старого щербатого кирпича — закопченная, покрытая потеками битума и полустертыми надписями из баллончика, поверх которых ветвился темно-зеленый ядовитый мох. Вдоль стены шла ржавая водосточная труба, с которой лениво капала вода в разбитое бетонное корыто.

Алиса застыла, чувствуя, как по шее ползут мурашки.

Она медленно подошла обратно, не веря собственным глазам. Протянула руку, коснулась шершавой поверхности. Пальцы обожгло сырым, ледяным холодом настоящего камня. Кирпич был старым, швы между кладкой рассохлись десятилетия назад. Никаких стыков, никаких следов скрытых петель или раздвижных панелей.

Глухой тупик.

— Бред... — прошептала она вслух. Голос утонул в сыром воздухе. — Я просто сплю. Переутомление. Галлюцинация на почве стресса.

Пальцы сами метнулись к заднему карману джинсов.

Шершавый, тяжелый прямоугольник был там. Алиса вытащила его на свет фонаря. Плотный черный матовый картон. Вдавленный в бумагу серебряный контур: перевернутые песочные часы с застывшей каплей. Семизначный номер. Карточка была сухой и теплой на ощупь, будто сохранила температуру ладони того, кто ее отдал.

«У каждой случайности есть архитектор».

Ее передернуло. Спрятав визитку обратно, Алиса почти бегом выскочила из переулка на магистраль.

Остаток пути до ее района превратился в смазанный кошмар. Она шагала быстро, вздрагивая от каждого звука мотора, шарахаясь от бездомных, кутавшихся в мокрый картон в вентиляционных нишах метро. Город больше не казался просто серым и уставшим. Теперь в его тенях мерещилось чужое, хищное присутствие — словно тысячи невидимых глаз наблюдали за тем, как маленькая фигурка в мокром пальто пробирается к своему укрытию.

Ее дом — обшарпанная девятиэтажка из серого панельного бетона на окраине Восточного округа — встретил ее привычным запахом жареного лука, кошачьей мочи и застарелой сырости в подъезде. Лифт, как обычно, не работал: табличка «На ремонте» висела на исцарапанных дверях уже третий месяц.

Алиса поднялась на пятый этаж, тяжело дыша и считая ступени, чтобы заглушить нарастающую внутри панику.

Квартира 54 находилась в самом конце коридора, под тускло мигающей лампой дневного света. Алиса подошла к двери, достала связку ключей... и замерла, не донеся ключ до замочной скважины.

Дверь была приоткрыта.

Буквально на полдюйма. Деревянный наличник вокруг врезного замка был расщеплен в щепки — замок вырвали не монтировкой, а чем-то куда более тяжелым и мощным, оставив на металлической планке глубокие, вдавленные борозды.

Внутри стояла абсолютная, противоестественная темнота.

Сердце Алисы пропустило удар, а затем заколотилось в горле с яростной силой загнанного зверя. Запах. Из темного проема не пахло ее дешевым гелем для душа или залежалым чаем. Оттуда тянуло тяжелым, тошнотворным запахом свежего железа, мокрой шерсти и холодной меди.

Так пахнет бойня.

— Марк?.. — тихо, едва слышно позвала она имя соседа по квартире — студента-медика, который должен был дежурить в ночную смену.

Ответа не последовало. Только из глубины коридора донесся медленный, влажный звук. Словно что-то грузное и скользкое неохотно перевалилось с боку на бок на скрипучем линолеуме гостиной.

А затем в темноте, на высоте человеческого роста, на долю секунды вспыхнули два тусклых желтых огонька.

Алиса сделала шаг назад. Пальцы в кармане судорожно стиснули жесткий край черной визитки.

Глава 2 - Анатомия страха

Воздух в подъезде внезапно стал слишком густым, чтобы протолкнуть его в легкие.

Алиса должна была бежать. Мозг, воспитанный на тысячах банальных предостережений о выживании в криминальных кварталах, отчаянно слал импульс в онемевшие ноги: развернись, брось ключи, несись вниз, кричи, стучи в двери соседей. Но тело отказывалось подчиняться. Она застыла, скованная тем первобытным, парализующим оцепенением, в которое впадает травоядное, застигнутое хищником на открытой поляне.

Шершавый край черной визитки врезался в мякоть пальца в кармане почти до боли, напоминая о реальности происходящего.

Из глубины квартиры снова донесся звук — влажный, чавкающий хруст. Так ломаются мелкие трубчатые кости, когда на них наступают тяжелым армейским ботинком. Или когда их разгрызают мощными челюстями.

Свет подъездной лампы за спиной Алисы — тусклый, дергающийся в предсмертных конвульсиях старого дросселя — робко пробивался сквозь щель приоткрытой двери, очерчивая на линолеуме прихожей косой серо-желтый клин.

В этом клине лежала нога.

Белый хлопковый носок с эмблемой университетской сборной по плаванию. Домашние фланелевые штаны в зеленую клетку. Нога лежала неестественно, вывернутая коленом наружу под углом, не предусмотренным человеческой анатомией. Вокруг щиколотки линолеум покрывала блестящая, еще не успевшая свернуться черная лужа.

Марк.

Желудок Алисы сжался в ледяной комок, к горлу подступила едкая волна желчи. Она подавила рвотный позыв, зажимая рот мокрым рукавом пальто.

— М-марк... — звук вышел не громче сухого выдоха, но его хватило.

Хруст в комнате мгновенно прекратился.

Наступила такая абсолютная, звенящая тишина, что Алиса услышала, как в ее собственных висках с мерным стуком метронома толчками циркулирует кровь. Запах мокрой псины, гнилого мяса и сладковатого трупного смрада ударил в ноздри с новой, удушающей силой.

Оно двигалось.

Медленно. Без человеческой суетливости. Звук когтей — длинных, тупых, тяжелых, скребущих по старому полу гостиной, перекрыл даже шум собственного сердца. Тень, перегородившая дверной проем изнутри, была огромной. Она не помещалась в нормальные пропорции прихожей: широкие, покатые плечи задевали висящие на крючках куртки, заставляя дешевую синтетику шуршать.

Желтые огоньки опустились ниже.

Существо высунуло морду в световой клин, падающий из подъезда.

У Алисы перехватило дыхание, а разум на долю секунды отказался собирать увиденное в единую картину. Это было лицо. Когда-то, возможно, человеческое, но переломанное, вытянутое вперед, будто кости черепа треснули изнутри под давлением чужой, дикой плоти. Обвисшая серая кожа, покрытая редкой, жесткой щетиной, свисала тяжелыми складками вдоль гипертрофированной нижней челюсти. Губ не было — обнаженные желтые резцы и длинные клыки истекали густой, тягучей слюной, смешанной с темной человеческой кровью.

Но страшнее всего были глаза. Мутно-желтые, с вертикальными, как у пресмыкающегося, зрачками, налитые не просто животной яростью, а тяжелым, разумным, мучительным осознанием.

Существо смотрело прямо на Алису.

В его изуродованной пасти, зажатая между передними зубами, еще белела оторванная кисть Марка — на безымянном пальце блеснуло тонкое серебряное кольцо, которое он никогда не снимал.

Тварь шумно, утробно втянула ноздрями воздух, пробуя запах Алисы: страх, дождь, дешевый стиральный порошок... и что-то еще.

Зрачки существа резко расширились, когда оно уловило слабый след аромата, все еще исходившего от ее пальто. Запах можжевельника. Жженого сахара. И тонкий, едва заметный шлейф старого табака из кофейни.

Существо глухо зарычало — низкий, инфразвуковой гул заставил завибрировать стеклянную вставку в соседской двери за спиной девушки. Оно разжало челюсти. Окровавленная рука Марка с глухим хлопком упала на пол.

— Чу-у-ужой... след... — прохрипело оно. Голос звучал так, будто в человеческую гортань засыпали битое стекло. — От... него...

Тварь сорвалась с места без замаха, тараня собой узкую дверь прихожей.

Удар выбитой двери был похож на взрыв небольшой гранаты.

Деревянные щепки и куски штукатурки брызнули в коридор, полоснув Алису по щеке. Взрывная волна животного ужаса наконец пробила оцепенение, ударив адреналином прямо в сердце. Время словно замедлилось, растягивая каждую долю секунды в вязкую, мучительную вечность.

Она развернулась на каблуках, едва не поскользнувшись на мокром линолеуме, и рванула к лестничному пролету.

Сзади раздался оглушительный, утробный рев, в котором клокотала слепая ярость. Тварь не протискивалась в дверной проем — она выломала его вместе с частью гипсовой перегородки. Звук когтей, скребущих по бетону, был похож на визг циркулярной пилы по ржавому железу.

— Помогите! — сорвалось с губ Алисы, но крик вышел жалким, захлебывающимся.

Она пролетела мимо пятьдесят шестой квартиры, со всей силы ударив кулаком по обитой дерматином двери. Внутри щелкнул замок — кто-то из соседей не просто не вышел на помощь, а торопливо провернул второй оборот засова.

Городская мораль Восточного округа: если за стеной кого-то жрут, сделай телевизор погромче и проверь цепочку.

Алиса выскочила на холодную лестничную клетку. Лифт с табличкой «На ремонте» стоял мертвым металлическим саркофагом. Только лестница. Пять пролетов вниз, спиралью уходящих в серую полутьму подъезда.

Она прыгнула через три ступени, хватаясь мокрой ладонью за холодные чугунные перила. Металл содрал кожу на пальцах, но боль сейчас казалась далекой, ненастоящей. Ноги работали на пределе: кроссовки скользили по окуркам и битому стеклу, дыхание с хрипом вырывалось из горящих легких.

Сверху грохнуло.

Существо даже не пыталось аккуратно спускаться. Оно перемахнуло перила пятого этажа и рухнуло на площадку четвертого всем своим массивным телом. Бетонная плита под ногами Алисы ощутимо дрогнула, с потолка посыпалась серая пыль. Тварь двигалась скачками, переваливаясь на всех четырех конечностях, как чудовищно деформированный бабуин, обтянутый клочьями волчьей шкуры.

«Оно быстрее. Оно достанет меня на третьем этаже», — вспыхнула в мозгу ледяная, кристально четкая мысль.

Она уже слышала его тяжелое, зловонное дыхание прямо за затылком. Воздух на площадке третьего этажа всколыхнулся от движения массивного тела. Тварь замахнулась — широ-

кая лапа с серыми, изогнутыми когтями рассекла воздух со свистом хлыста, целясь девушке в поясницу.

Инстинкт сработал быстрее рассудка.

Алиса не стала бежать дальше по ступенькам. Она резко, всем телом дернула плечами назад, сбрасывая с себя промокшее, тяжелое шерстяное пальто, и одновременно бросилась плашмя вниз по пролету.

Когти существа с треском распороли плотную ткань, как мокрую бумагу. Пальто сработало как капкан: мокрая шерсть на долю секунды захлестнула морду и передние лапы твари, заставив ее споткнуться на полном ходу.

Алиса кубарем покатилась вниз по бетонным ступеням.

Удар о ступень выбил воздух из легких. Ребра обожгло острой вспышкой боли, колено с хрустом встретилось с углом площадки второго этажа. В глазах потемнело, во рту появился отчетливый солоновато-медный привкус разбитой губы.

Сзади послышался яростный визг и глухой удар — запутавшаяся в пальто тварь на полной скорости врезалась в мусоропровод, вмяв толстую стальную трубу в стену. Металл застонал, посыпались искры от срезанных крепежных болтов.

Секунда. У нее была ровно одна секунда.

Алиса перевалилась на четвереньки, подтягивая под себя ушибленную ногу. Перед глазами плыло, левое колено отказывалось разгибаться, джинсы на нем лопнули, пропитавшись темной кровью.

Опираясь на стену и оставляя на грязных обоях смазанные кровавые отпечатки ладоней, она заковыляла к последнему лестничному маршу.

Позади тварь с омерзительным рычанием рвала остатки пальто в клочья. Она освобождалась.

Первый этаж.

Тяжелая металлическая дверь подъезда с кодовым замком была всего в десяти метрах. На стене горела единственная голая лампочка. До выхода оставалось три шага, когда на спину Алисы упала огромная, бесформенная тень.

Она не стала оборачиваться. Зажмурившись, Алиса выбросила руки вперед и всем весом навалилась на металлическую планку аварийного выхода.

Замок щелкнул. Дверь с грохотом распахнулась наружу.

В ту же секунду что-то тяжелое и острое чиркнуло ее по плечу, распарывая тонкий свитер и оставляя три глубокие горящие борозды на коже. Сила удара вышвырнула Алису из подъезда, как тряпичную куклу.

Она вылетела на мокрый асфальт двора, сдирая ладони и локти, перекатилась по луже и замерла, судорожно хватая ртом холодный ночной воздух.

Из открытого черного зева подъезда донеслось яростное, захлебывающееся шипение. Существо стояло прямо на пороге. Его морда дергалась, клыки лязгали в сантиметрах от полосы света, падающего от уличного фонаря над козырьком.

Оно не выходило наружу.

Оно тяжело переступало лапами, вжимая когти в бетонный пол тамбура, и слепо водило носом по сторонам, словно открытое ночное небо или запах мокрого асфальта причиняли ему почти физическую боль. Или здесь действовал другой запрет — невидимая граница, которую тварь не смела пересечь.Желтые глаза с вертикальными зрачками впились в лежащую в луже Алису.

— Скоро... рассвет... девчонка... — прохрипела тварь, отступая на шаг глубже в подъездную тьму. — Он... не защитит... тебя...

Тяжелая дверь подъезда под действием тугого доводчика медленно пошла назад и захлопнулась с глухим металлическим ударом.

Алиса осталась на асфальте одна. В одном свитере, изорванном на левом плече, дрожащая от ледяной воды и болевого шока. Дождя не было, но холод ночного мегаполиса начал быстро выкачивать из нее последние остатки жизни.

Она сунула дрожащую окровавленную руку в задний карман джинсов.

Черный картон был на месте. Не помялся, не намок.

Она вытащила свой старый разбитый телефон из кармана брюк. Экран пошел паутиной трещин, но чудом продолжал светиться. Заряда оставалось шесть процентов.

Никакой полиции. Никакой «скорой». Если она расскажет про двухметрового полуволка, жрущего Марка в прихожей, ее просто закроют в токсикологическом отделении закрытого типа.

Дрожащими, перепачканными в собственной крови и подъездной грязи пальцами Алиса начала вбивать в экран семь цифр с черной карточки.

Экран телефона треснул аккурат посередине, разделив семь набранных цифр тонкой паутиной битого стекла. Шесть процентов заряда. В левом плече пульсировала тупая, горячая боль — свитер налип на разорванную плоть, пропитавшись липкой кровью.

Алиса сползла спиной по мокрому кирпичу трансформаторной будки на углу двора. Ноги отказывались держать. Холод асфальта быстро проникал сквозь влажные джинсы, остужая разгоряченное адреналином тело до противной, колючей дрожи.

Она нажала кнопку вызова.

Трубка не издала ни одного длинного гудка. Ни щелчка переадресации, ни механического голоса мобильного оператора, сообщающего, что семизначных номеров без кода города не существует.

Соединение произошло мгновенно. Словно на том конце провода палец уже лежал на рычаге аппарата.

— Вы заставили себя ждать, Алиса, — голос Бариста раздался прямо в динамике.

Никаких помех, никакого треска сотовой сети. Голос звучал пугающе близко и отчетливо — так, будто мужчина стоял в полушаге от нее, склонившись над трансформаторной будкой в холодном осеннем полумраке. На заднем плане едва слышно звенел тонкий фарфор и размеренно капала вода в медный фильтр.

— Оно... оно там, — выдохнула Алиса, с трудом ворочая пересохшим, одеревеневшим языком. Зубы выбивали мелкую дробь. — В моей квартире. Марк... от него ничего не осталось. Оно сожрало его. Оно... говорило со мной.Короткая, тягучая пауза. В трубке послышался легкий шелест бумаги — словно Бариста перевернул страницу тяжелого фолианта.

— Серый подшерсток? Удлиненная нижняя челюсть, янтарная склера? — в его интонации не было ни капли удивления или сочувствия. Только скупой, клинический интерес патологоанатома.

— Да, — ее голос сорвался на сип. — Оно сказало... сказало, что скоро рассвет. И что вы... что ты меня не защитишь. Что это значит?

Бариста негромко, сухо усмехнулся. Этот звук хлестнул Алису больнее, чем падение на лестнице.

— Редкий случай, когда падальщик оказывается прав. Я действительно не собираюсь вас защищать. Я завариваю кофе, Алиса, а не работаю телохранителем для неосторожных студенток.

— Послушай меня! — в панике вскрикнула она, забыв о боли в плече и сжимая треснувший корпус мобильника до побелевших суставов. — Оно убило человека! Оно разорвало дверь! Я истекаю кровью посреди гребаного двора!

— Сбавьте тон, — произнес он холодно, и в его голосе прорезался металл такой тяжести, что Алиса невольно осеклась. — Послушайте лучше меня. До рассвета осталось ровно сорок семь минут. Вы знаете, что произойдет, когда над Восточным округом взойдет солнце?

Алиса судорожно втянула ледяной воздух, прижимая свободную руку к раненому плечу. Пальцы мгновенно стали липкими.

— Тварь уйдет?

— Тварь уже ушла. Они не живут при солнце не потому, что сгорают в пепел — это сказки для дураков. Днем включается город людей. Камеры видеонаблюдения. Уличный трафик. Социум, который не терпит трещин на фасаде своей уютной нормы. Но перед уходом эта тварь позаботилась о декорациях.

Бариста сделал короткую паузу, давая каждому слову упасть на дно ее сознания свинцовым грузилом.

— Ваши соседи уже вызвали полицию. Через шесть минут во двор въедет первая патрульная машина. Офицеры поднимутся на пятый этаж и увидят то, что не укладывается в протокол: развороченное мясо вашего соседа Марка. Следы борьбы. А на дверной ручке, на перилах всех четырех пролетов и на кодовом замке подъезда — ваша кровь и ваши отпечатки пальцев. Назовите мне хоть одну причину, по которой окружной прокурор не подпишет ордер на ваш арест по обвинению в ритуальном убийстве первой степени с отягчающими обстоятельствами?

Земля под Алисой словно накренилась.

Холодный, беспощадный расчет этой логики ударил под дых страшнее клыков монстра. Существо в подъезде не просто пыталось ее убить — оно загнало ее в угол. Для внешнего мира она перестала быть жертвой. К утру она станет чудовищем в розыске. Без денег, без документов, без теплой одежды, с изуродованным плечом.

— Я... я не смогу доказать, — прошептала она, чувствуя, как по щекам текут горячие, злые слезы бессилия. — Никто не поверит про монстра.

— Разумеется, не поверит. Вас закроют в блоке предварительного заключения окружной тюрьмы. А твари из нижних кварталов очень любят закрытые пространства с бетонными стенами, куда не проникает дневной свет. До первого судебного заседания вы не доживете, Алиса. У вас остановятся почки. Или вы «случайно» вскроете себе вены краем алюминиевой ложки. Так закрываются неудобные дела.

— Зачем... зачем ты мне это говоришь?! — закричала она в телефон, не заботясь о том, что ее могут услышать. — Чего ты хочешь?!

— Я хочу, чтобы вы поняли цену вопроса, — его голос снова стал бархатным, вкрадчивым, почти усыпляющим. — Вы умираете, Алиса. Либо от сепсисаи кровопотери прямо в этой луже, либо на электрическом стуле через три года следственного ада, либо в пасти тех, кому Марк задолжал то, чего не имел права отдавать.

— Марк... задолжал? — эхом повторила она.

— Об этом позже, — отрезал Бариста. — Прямо сейчас у вас есть выбор. Вы можете остаться там, где сидите, дождаться сирен с мигалками и уповать на справедливость человеческого правосудия. Либо вы заключите со мной сделку.

— Какую сделку? — ее пальцы одеревенели от холода, заряд батареи упал до трех процентов.

— Я уберу вас с шахматной доски. Ваше имя исчезнет из утренних сводок. Вашу рану обработают. Вы получите крышу над головой и возможность узнать, во что на самом деле вляпался ваш сосед.

— А цена? — Алиса сглотнула горькую слюну. — Ты сказал... визитка — это долг. Какая цена?

В трубке послышался тихий щелчок зажигалки и глубокий вдох.

— Ваша жизнь больше не принадлежит вам, Алиса. Вы станете моими руками и моими глазами в тех местах этого проклятого города, куда я не имею права входить сам. Вы будете искать для меня ответы. Вы будете распутывать чужие узлы. А если я попрошу — затягивать их на чужих шеях.Вдалеке, на перекрестке Третьей авеню, завыла сирена. Первая. Затем к

ней присоединилась вторая — выше, пронзительнее. Копы въезжали в спальный сектор.Две минуты.

— Ваш ответ? — поторопил Бариста. В его голосе не было спешки, только безжалостный холод секундомера. — Да или нет?

Алиса посмотрела на заляпанную грязью мостовую, на черные окна многоэтажек, за которыми прятались трусливые люди, на свои окровавленные ладони. Назад пути не было. Мир раскололся пополам, обнажив черную гнилую изнанку.

— Да, — выдохнула она в микрофон. — Да, черт тебя дери.

— Чудесно, — в трубке послышался легкий шелест. — Повернитесь налево. В трех метрах от вас — глухой проем между гаражами. Там, где ржавая пожарная цистерна. Сделайте семь шагов в темноту и держитесь за стену. И, Алиса... закройте глаза. Реальность плохо переносит, когда на нее смотрят в момент взлома.

Связь оборвалась. Экран телефона окончательно погас.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.